

МЫ

АНДРЕЙ МЕРКИН

ЧЕМПИОНЫ!

О юности, стране и «Спартаке»
от легендарного болельщика,
автора книг о футболе,
номинарованных на премию
«Национальный бестселлер»

18+

Андрей Меркин

Мы – чемпионы! (сборник)

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Меркин А. Л.

Мы – чемпионы! (сборник) / А. Л. Меркин — «АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-107330-5

Новая книга Андрея Меркина, известного блогера и давнего болельщика легендарного футбольного клуба «Спартак», в оригинальной и легко узнаваемой манере повествует о ярких и значимых событиях в судьбе автора и страны. Юность, молодость, зрелость – на фоне футбольных матчей, любовных приключений, службы в армии, авантюрных сделок и размышлений о жизни. Настоящее продолжение давней литературной традиции «плутовского романа».

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107330-5

© Меркин А. Л., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

От автора	6
Часть первая. Столичная штучка	7
И говно, да, Жень?	7
Пеле	8
Собакоед	9
Старички-боровички	10
Вележ из Мостара, или Адский коитус	12
Дебют мой и «Спартака» в Кубке УЕФА	13
Седьмая модель «Жигулей» и сумасшедший дом	15
Стрельцов	16
Центральное телевидение СССР и футбол	17
Гуппи	18
Хаарлем	21
Сочи	22
Никого не жалко, никого!!!	25
Инвалид	27
Сто дней после детства	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Андрей Меркин

Мы – чемпионы!

© Меркин А.Л., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Моей любимой дочери Ане посвящается

От автора

Долго думал, стоит ли писать третью книгу.

Честно говоря, не было особого желания, ведь издатель и литературный агент не осыпали автора щедрыми гонорарами и ударными роялти. Но желание поделиться недосказанным всё-таки воспреблагодало, и вот перед вами, дорогие друзья, третья и заключительная книга, повествующая о жизни и удивительных амурных похождениях автора-опездола, некоторые из которых так или иначе, каким-то мистическим образом, связаны с футбольной командой «Спартак-Москва».

Тешу себя дебильной надеждой, что опус получился весёлым и доставит вам, дорогие читатели, немало радостных минут.

Смех – это сама жизнь, попробую сейчас вам всем это доказать.

Не судите строго, что получился эдакий Декамерон.

Так вышло, просто поверьте мне.

Вперёд, за мной, в пучину хулиганства и мелкого беззлобного пакостничества.

Часть первая. Столичная штучка

И говно, да, Жень?

В дошкольном детстве, которое протекало в Сокольниках, было немало радостных и счастливых минут.

Как учила нас в то время партия – советские дети самые счастливые дети в мире.

Ага.

Счастье так и распирало наши детские неокрепшие души. Чаще всего оно материализовывалось в образе огромных тёток-воспиталок из детского садика, любящих нас, советских детишек, особенной, пронзительной и странной любовью.

– Меркин, ты уже покакал?

– Я не знаю...

– Так давай уже слезай с горшка, ты тут не один. Все детки должны какать.

Почему-то никелированных синих горшков с отбитой эмалью в садике катастрофически не хватало, и мы справляли большую нужду строго по очереди, согласно графику, утверждённому заведующей детским садиком, старой большевичкой Бурячковой Пелагеей Дормидонтовной.

После садика мама выпускала погулять во двор, где за нами присматривал пятиклассник Женя, который давал нам первые уроки устного народного творчества.

Собрав малолеток в кучу, он спрашивал, какие хулиганские слова мы знаем.

Все тянули руку и излагали свои познания в ругательствах и оскорблениях.

– Жопа.

– Правильно, молодец!

– Писька, – вворачивал я.

– Верно, – подмечал довольный Женя.

После таких экзерсисов жизнь казалась нам солнечной, а не хмурой.

Словарный запас великого и могучего русского языка рос не по дням, а по часам.

Когда мы уже собрались расходиться по домам, к нам, запыхавшись от бега, подскочил совсем маленький, лет четырёх от роду, Дима и выдал финальный аккорд ругательных слов.

– И говно!!! Жень, да, Жень?!

Пеле

Папа первый раз взял на футбол в 65-м году. Было мне от роду восемь лет.
Матч знаковый: СССР – Бразилия.
Народу было столько, что сидели на коленках и в проходах.

А внизу бегали живые Пеле и Гарринча во всей своей жёлто-зелёной красе.
Что скандировали?
«Шай-бу! Шай-бу! Мо-ло-дцы!»

Только вот не понятно кому всё это предназначалось. Думаю, по прошествии лет, что всё-таки бразильцам, а не Геше Логофету и Гиле Хусаинову.

Ещё запомнил тётку дородную, очевидно, торгашка – а с ней хач на золотых зубах:
– Слюшай! Этак Пиле, я его мама ебал!
– Тише ты, ёб твою мать, тут дети рядом!
И тётка, блеснув тоже не стальной фиксой, ласково протянула мне конфетку «Белочка».

Конфетку я тут же съел, а папа назидательно сказал:
– Вот видишь, сынок – и Пеле увидел, и тётя такая хорошая...

Хач в перерыве ушёл за пивом, а папа о чём-то долго шептался с «пятым номером» бюста.
Наследственно это у меня, ага.
Особенно сисястая одноклассница и другие пышногрудые девчонки, врать не буду.

Собакоед

Футбольная сборная Северной Кореи – это хорошо!

В 1966 году товарищ Ким Ир Сен закрыл их на год на хуй на базе.

Результат – 1/4 финала чемпионата мира в Англии и порванные жопы Италии и почти Португалии, если бы не Эйсебио.

Тогда вся советская страна притапливала, помимо наших, ещё и за корейских товарищей.

Помню, в пионерском лагере старшая пионервожатая, с пятым размером груди, торжественно объявляла на утренней линейке, интонацией подражая Левитану:

– Вчера корейские товарищи в упорной борьбе победили Италию 1:0, гол забил товарищ Пак Ду Ик. Ура, товарищи!

При этом «пятый номер» тревожно колыхался под ленинским пионерским галстуком – в такт моему неполовозрелому члену...

В том году было знаменитое ташкентское землетрясение, и в лагере было очень много детишек из Ташкента. И корейцы, как ни странно. Но обрусевшие и очень давно живущие в Узбекистане.

Одного мальчика поймали ночью вожатые, когда он пытался зажарить на костре пойманную и убитую им бездомную Жучку.

Причём собака была разделана по всем правилам поварского искусства.

Мальчик казался «переписанным» и выглядел на все семнадцать лет. И всё время тёрся елдой возле жопы аппетитной пионервожатой.

А вот нынешний внучок товарищ Ким Чен Ын вряд ли на футбольные чудеса сподобится – бомба важнее. Да и вожатых таких уже нет.

Эх-ма...

Старички-боровички

Они всегда стояли под табло в Луже.

И на трибуне тоже, особенно в холодную погоду.
А ведь приходилось в конце сезона и в минус играть.

Сейчас расскажу...

Последний домашний матч сезона 1971 года с «Кайратом». Как раз на ноябрьские праздники мороз ебанул, где-то минус пять-шесть градусов, да ещё и со снегом и ветром.

Ну а в школе каникулы – закончилась первая четверть. Оценки за четверть, как всегда, – одни тройки.

Поэтому денег категорически нет, но десять копеек на детский билет и мелочь на пиво нашёл всё-таки.

Была дилемма – поехать к сисястой однокласснице на Преображенку или пойти на футбол.

Путём героических и прямо-таки нечеловеческих усилий либидо засунул обратно и поехал на игру.

Играли днём, народу на стадионе очень мало, от силы две-три тысячи человек.

Да и те пьют водяру почти в открытую, но каструлей с пельменями нет – врать не буду.

Народ часто бегаёт в буфет, где берёт стаканчики с горячим чаем и запивает водяру этим самым горячим чаем!

Чудеса эпохи развитого социализма, ведь другого горячего жидкого или твёрдого в буфете нет и быть не может.

Всё уже спизжено и сгружено в мешки «лицам кавказской национальности».

Стаканчики серые, их ставят один в другой, по три штуки, но они всё равно проливаются. Чай тут же замерзает от холода.

Но тёртых мужичков не проведёшь!

Водяру льют в чистые стаканчики, а чаем запивают из других, которые уже почти расплзались от разницы температур.

Классическая закуска – бутерброд с сыром, которым можно убить в прямом смысле этого слова.

Один мужичок даже сломал зуб, все ржут – а мужичок демонстрирует народу половинку коренного и радуется, что не надо идти к зубному.

Ему сердобольные дружки наливают за это лишний стакан. Мужичок давит лыбу и оголтело трясёт патлами из-под облезлой кроличьей шапки.

Наши в красно-белой форме и желают реабилитироваться за разгром в Сетубале. Идём на пятом месте.

Кайрат идёт на седьмом месте и тоже хочет подняться в таблице.

Уже на первых минутах Долматов, да-да, тот самый, заряжает метров с тридцати между ушей вратарю.

Йонас Баужа даже взглядом не повёл, редкостный мудака, мяч в сетке.

Мужички отмечают это дело водкой и зверски пытаются откусить хотя бы кусочек «пошехонского» сыра.

У «Кайрата» феерит воротчик Куралбек Ордабаев. «Спартак» сидит на воротах весь матч, но Вася Калинов два раза не забивает из убойной позиции.

Снег усиливается, восьмой номер Васи Калинова сливается с футболкой.

Второй тайм. Наши опять возят казахов, но катастрофически не прёт.

Но вот наш одиннадцатый номер – это Володя Редин, совершает слаломный прорыв в штрафную.

Свисток. Точка. Бьёт наш капитан Геша Логофет. Куралбек в одном углу – мяч в другом.

Наш гениальный Витя Папаев попадает в перекладину, метров с двадцати.

Штанга звенит на пустом стадионе. Мужички вздрагивают, но пьют дальше.

Такое впечатление, что водка не кончается, а Господь производит её из чая.

Судья добавляет несколько минут. Кажется, ничья, и народ тянется на выход. Ан нет!!!

Серёга Ольшанский, наш центральный защитник, совершает свой коронный прорыв, со смещением на фланг.

Володька Редин вытягивает ногу в шпагате, что твоя Майя Плисецкая – Ордабаев почти дотягивается до мяча, но тот, предательски прыгнув несколько раз на промёрзшем поле, медленно, как водка из серого стаканчика, заползает в ворота.

Гол!!! Судья показывает на центр, финальный свисток.

Обычно сдержанный Никита Павлович вместе с командой поздравляет героя матча.

Мужички прыгают от радости. Я тоже, хотя замёрз до самой жопы.

Самый уважаемый мужичок на радостях наливает мне, невесть откуда взявшийся, большой и жирный стакан портвейна. И вдогонку ещё один.

Счастлив, пьян, еду на Преображенку – домой боюсь...

Вележ из Мостара, или Адский коитус

Слив «Мостару» из Вележа в 74-м году был чисто несчастный случай и «югославские штучки».

Команда представляла югославский чемпионат, шла на первом месте. В предыдущем сезоне выиграла серебро.

У них выделялся рослый детина, в то время один из лидеров сборной Югославии Душан Баевич. В Москве он нам забил совсем необязательный голешник, но хоть и Женя Ловчев успел пропихнуть третий, этого, увы, как выяснилось позже, не хватило для общей победы.

Весь матч мы возили товарищей из братской Боснии и Герцеговины мордой об стол, могли забить штук пять-шесть, но подвело элементарное пижонство и распиздяйство.

Валера Гладилин два раза попал в крестовину, а Миша Булгаков и Саша Минаев мазали по пустым воротам.

Со стадиона ушёл в отличном настроении, был уверен, что пройдем южков.

Тогда все они были для нас южки, не то что теперь.

Ответку не показали, но был прямой репортаж по Маяку, который вёл Озеров.

Игру прервали почти на два часа, рухнула какая-то башня или световая опора якобы... После этого южки забили два мяча и довели матч до победы.

Они просто этим «номером» сбили нам всю масть и наступательный порыв.

После игры в Луже был обескуражен и поражен при виде мужика с огромным хуем наперевес.

«Старички-боровички» даже не успевали толком поссать, настолько поражало это...

А отдувалась, как всегда, сисястая одноклассница.

И надо ли говорить, дорогие друзья, что Преображенка содрогнулась при криках нашего совместного коитуса, да ещё и с особым цинизмом.

На другой день после матча в Мостаре, всё уже происходило у меня на квартире.

Предки были на работе, а мы с одноклассницей «задвинули» урок физкультуры.

Ну и правильно, физрук был мудака и болел за мусарню, что в Сокольниках было практически неслыханно-невиданно...

Дебют мой и «Спартака» в Кубке УЕФА

Егоровича первый раз увидел на весеннем представлении команды в Лужниках.

Николай Петрович рассказал, что Слава пришёл из «Металлурга» (Запорожье) и команда на него рассчитывает.

Высокий и здоровый детина, показалось, сможет заменить ушедшего Проскурина, у которого не сложилось.

Но «выстрелил» не Егорович, а на пару сезонов позже Саша Пискарев, который пришёл одновременно с ним из «Текстильщика» (Иваново).

В 1971 году не пропустил ни одной домашней игры, поэтому отлично помню, как играл Егорович.

Почти все голы забивал на добивание, в стиле Герда Мюллера, иногда головой.

Начал за здоровье, и казалось, что у него всё будет хорошо, но потом почему-то Никита Павлович стал ставить его в состав не на каждый матч, чередуя с Пискаревым. Или один менял другого уже в ходе игры.

Саша был игрок более спартаковский, трибуны его быстро полюбили, но при живых Онищенко и Дерюгине пробиться в сборную тогда было нереально.

Особенно запомнился дебют «Спартака» в Кубке УЕФА и фееричный матч Егоровича.

Играли в середине сентября, народу было под сорок тысяч.

Судил судья из Норвегии, а одним из помощников на линии был Тофик Бахрамов, тогда были такие правила – помощники из страны хозяина поля.

Чехословацкая команда «ВСС Кошице» была на то время лидером своего чемпионата.

Было и несколько сборников – Поллак, Бомба, Десятник.

У нас был традиционный, почти чемпионский состав 1969 года, разбавленный Мирзоевым и Егоровичем.

Во втором тайме получившего травму Гешу заменил лысый Петров. А в конце игры, по концепции Симоняна, Пискарев вышел вместо Егоровича.

Примерно на десятой минуте Коля Осянин дал шикарный пас вразрез и вывел Егоровича один на один.

В лучших традициях наших форвардов Слава засрал момент и пробил в руки вратарю.

Но быстро реабилитировался, и минуте на двадцатой Джема забил пенальти.

Егорович вовремя «подставился» – толчок в спину, и судья указал на точку. Силагадзе пробил под перекладину, был у него такой грузинский шик – и Егорович повис у него на плечах.

Есть первый гол Спартака в истории Кубка УЕФА!!!

Я на восточной трибуне тоже подпрыгнул от радости, а «старички-боровички» отметили это дело водочкой «коленвал».

Мне же, по малолетству, плеснули в серый, как моя жизнь, стаканчик портвейна – мутного и с осадком. Красно-белые весело, а игравшие в трёхцветной форме чехословаки уныло побрели к центру поля.

Витя Папаев приложился в перекладину, а Егорович не попал в пустые ворота на добивание.

Мирзоев вышел один на один – снова мимо кассы.

Перерыв.

В буфете столпотворение, но удаётся с боем взять бутерброд с сырокопчёной колбасой. Дефицитный кусок продукции микояновского мясокомбината смачно пережёвывался тогда ещё молодецкими зубами.

Ну и пиво для полировки, как без него.

Второй тайм Егорович начал блестяще.

Серия передач в штрафной, Папаев гениально даёт на дальнюю штангу, и Егорович, в своём стиле, вколачивает мяч в сетку братского чехословацкого народа.

На трибунах шутят – вот вам и «До-то-го». «До – это “го”!» – юморят на секторе. Все ждут третьего гола.

И тут же пенальти в наши ворота. Коля Осянин срубает соперника, как топором.

На радостях несколько десятков чехословаков, очевидно, что из посольства, продолжают остервенело орать.

– «До-то-го!!!»

Анзор блестяще парирует удар Штафуры в угол и успевает отбить его же повторное добивание.

Соперник сломлен морально, Слава Егорович попадает в штангу, его тут же меняют.

Финальный свисток встречаю с литром пива, пополам с портвейном, в неокрепшем желудке.

А ведь завтра контрольная по математике, уже напросился сидеть с сисястой одноклассницей, чтобы списать – и не только...

Ответный матч транслировали по «Маяку». За счёт автогола «Спартак» прошёл дальше.

Так что «ВСС Кошице» не выручил и знаменитый тренер Венглош.

Уже в 1976 году он помог сборной и главному тренеру Ежеку выиграть золотые медали чемпионата Европы в Белграде.

В том чемпионате играл и Поллак. Но это уже совсем другая история, которую я подробно описал в своей первой книге.

Седьмая модель «Жигулей» и сумасшедший дом

Помимо самого футбола, заработки, и далеко не малые, приносил и так называемый «околофутбол».

В 1983–1984 годах мой хороший знакомый работал механиком по обслуживанию эскалаторов на станции метро «Спортивная».

«Входной билет» давал пятьсот рублей, деньги большие по тем временам.

После игр футбольного «Спартака», особенно в случае побед, «урожай» мелочи, сброшенной с эскалатора, составлял примерно двести рублей.

В смене было два механика, двадцать рублей надо было отдать старушкам-саботажницам из касс за обмен пятак (самый популярный номинал монетки), двушек, алтынов и прочих гривенников на бумажные трёшки и пятёрки.

Этот же знакомый механик играл ещё и в «Спортпрогноз» на результат футбольных матчей высшей и первой лиг.

Покупал по 400–500 карточек и с помощью специального трафарета на кухне ночами вместе с женой заполнял их.

Играл профессионально. Я помогал ему как мог.

Благо дело, в то время игр с заранее известными результатами тоже хватало.

Мечтал он «доехать» в «десятку» – выиграть десять тысяч рублей, что давало право – вместо денег – приобрести вне очереди по государственной цене автомобиль «Жигули» седьмой модели.

И он «доехал»!!!

Мало того, толкнул очень удачно эти «Жигули» «тюбетейкам» за восемнадцать штук.

Но это не всё.

После этого он попал на «дурку». Дало о себе знать многолетнее зачёркивание карточек, перезвон по телефону со всем Союзом, с такими же «игроками».

Я навещал его в дурдоме, вид у товарища был печальный и ужасный. Но, как ни странно, через пару лет он «оклемался» и вышел практически здоровым человеком.

С бабками, но подорванной аминазином и прочими нейролептиками психикой.

Вот такой «околофутбол».

Стрельцов

По молодости много времени проводил со «старичками-боровичками» под табло в Луже. Градация у них была одна – Стрельцов, Бобров, Федотов. Хотя и многие из них болели за «Спартак».

Также все сходились во мнении, что в 1958-м со Стрельцовым играли бы с бразильцами в финале.

И гипотетически даже в Чили в 1962-м.

Касаемо 66-го года, то всё есть в открытой прессе. Воспоминания Сабо, Пономарёва, Поркуяна, Кавазашвили и других.

Сборную Морозов принял от Бескова, и главной причиной отставки был проигрыш испанцам, гнев Хрущёва.

Но ходили упорные слухи, что Константин Иванович «пробивал» Эдика с перспективой на Англию-66, но добро не получил, а Морозов боялся это сделать.

Из личного общения с Анзором Амберковичем и Иваном Алексеевичем Варламовым понял, что со Стрельцовым был большой шанс не только обыграть немцев в полуфинале, но и с Англией за золото пободаться.

Большое видится на расстоянии, но такой тогда была держава, где всё решал отдел пропаганды ЦК партии.

Сейчас вышло много фильмов и книг про Стрельцова, но, правда, там больше о его «похождениях».

А о том, какой это был гениальный и великий игрок и как его скрутила система, – очень мало правды.

Уровень его игры до отсидки сопоставим с Пеле и Марадоной. И это не моё мнение, а Никиты Пальча и Сергей Сергеича – наших легенд.

Эдика видел только после отсидки, но хватило с лихвой.

Лучший футболист СССР 1967 и 1968 годов.

И это в его годы!

Гений был, конечно, чего уж там.

Мне в память врезался наш матч с торпедчиками, был на нём в Луже в 1968 году. 5:1, два Стрельцов и два Гершкович с подачи Эдика.

А ведь мы в том году серебро взяли.

Многие очень удивятся, но большой футбол не ограничивался в те годы рамками московского «Спартака».

Хотя от нас в Англии были только Корнеев и Хусаинов.

«O tempora, o mores!» © Марк Туллий Цицерон

Центральное телевидение СССР и футбол

Сам люблю совок, как говно в штанах – но что правда, то правда.

Главная редакция спортивных программ ЦТ всеми способами организовывала трансляции практически всех матчей команд СССР в еврокубках на первой и второй кнопках.

Большинство в прямом эфире, но была и запись – причём запись только вторых таймов.

И комментаторы зачастую сидели в Останкино или на Шаболовке.

Выездным был только Озеров. Спарре был не член партии и очень редко выезжал. А евреев Галинского, Дымарского и молодого тогда ещё некоммуниста украинца Маслаченко за границу категорически не пускали.

Одного еврея, а это был Рубин, пустили, и он тут же дал по тапкам в сторону США, после чего глава ЦТ СССР Лапин получил страшных пиздюлей в отделе пропаганды ЦК КПСС на Старой площади.

Из знаковых игр, на моей памяти, не было трансляции из Валенсии, со знаменитыми промахами Калашникова, бегущей строкой, смертью Далиды.

В особых случаях давали радиорепортажи на «Маяке», причём в прямом эфире и весь матч.

Так, после ухода Качалина, а было это после относительной неудачи на чемпионате мира 1970 года в Мексике, сборную принял Николаев, и его первый официальный матч в Никосии с Кипром транслировали по радио, Озеров комментировал.

Это был дебют Колотова за сборную, ещё как игрока казанского Рубина из второй лиги. Неслыханный случай по тем временам.

Также это была первая игра за сборную Виталия Шевченко из «Нефтчи».

Всё это имело замечательное продолжение в мае следующего года, когда оба забили по голу испанцам, а наша сборная одержала первую и последнюю победу над ними.

В 1971 году, также на «Маяке», комментировал Янн Яннович Спарре матч из Сетубала, трансляция началась в 24.00 по московскому времени.

Всё время говорил, что «Спартак» играет в белой форме, это было очень важно для радиослушателей.

На крайняк был «Голос Америки», где сбежавший «отщепенец» Рубин в прямом эфире глубокой ночью комментировал эпохальный хоккей из Лейк-Плэсида.

Вроде про поражение сборной сказали только вечером в программе «Время», а я уже утром в институте радостно рассказал всем про счёт 4:3.

Секретарь комсомольской организации сказал, что я агент мирового сионизма и провокатор – враг народа.

Редкостный был мудака!

Гуппи

Зимой 1981 года поехал на зимние студенческие каникулы в своеобразный Дом отдыха. Каково же было моё удивление, граничащее с истерикой, когда я узнал, что попал, самым мистическим образом, в тот же самый пионерский лагерь, где в далёком 1972 году впервые в жизни занялся сексом с молодой и прекрасной восемнадцатилетней студенткой, которая жила на вольных хлебах в пионерском лагере как дочка начальника лагеря. Я подробно написал об этом в первой книге, в главах «Дефлорация» и «Дефлорация 2».

Судьба свела меня тоже со студенткой, и ей тоже было восемнадцать лет, но мне не четырнадцать, как тогда, а двадцать три года, и студенток и тёток разных мастей и калибров к тому времени, перефразируя Есенина, повидал я и попробовал в тёмных углах немало.

Её звали Гуппи.

Не знаю, да так и не узнал, почему у неё было такое рыбье прозвище, но Мариной её никто не называл, а все друзья и подруги однокурсники называли её так, на что она радостно и весело отзывалась.

Весь этот своеобразный Дом отдыха был заполнен исключительно студентами, а тот же самый персонал, что кормил детишек в столовой летом, зимой потчевал тем же самым незамысловатым меню, где преобладали щи и каша – пища наша.

Иногда готовилось даже мясо, вкусом напоминающее подошву кирзача. А также компот из сухофруктов с одиноким фиговым листом, почему-то называемый в меню: «Компот домашний».

Очевидно, что все эти сухофрукты действительно находились дома, но у шеф-повара. Там же, собственно, где и вышеупомянутое мясо, прописанное в мятом листке меню химическим крандашом как «рагу домашнее с овощами».

Из овощей там была картошка мёрзлая галимая – первым и последним компонентом этого шедевра кулинарного искусства.

Зато на столах на восемь человек на завтрак, обед и ужин всегда и без ограничений лежали огромные, размером с хуй негра, солёные огурцы.

Они пользовались особым спросом, их выносили с собой в больших количествах на закуску.

Со времён моего пребывания в пионерах в окрестных «сельпо» мало что изменилось, и тот же самый портвейн с той же самой водкой продавала пергидрольная Нюрка или Клавка с огромными сиськами наперевес.

Одна даже, о боже, узнала меня и назвала по имени, хотя прошло без малого десять лет. Оказывается, никто в таком молодом возрасте, как я тогда, не хватал её самым наглым образом за жопу и сиськи одновременно и даже – я не побоюсь этого слова – за манду.

По такому торжественному случаю Нюрка отпускала мне водяру хоть и из-под полы, как всем местным синякам, зато без переплаты – по государственной цене.

От непрозрачных намеков на секс, а по-русски говоря, на банальную еблю в подсобке винного магазина, и от самой разнузданной ебли я благополучно соскочил, ведь все мои мысли были только о Гуппи, и только о ней одной.

Всю жизнь, да нынешних седых мудей, чего греха таить, я был «однополчанином». Что, думаю, не редкость, несмотря на бравурные рассказы друзей-однокурсников о якобы немислимых подвигах, совершаемых ими в гнусных общагах и на грязных матрасах, наперегонки с клопами, тараканами и прочими гадами, рискуя получить болезненный укус от ползучего инсектоида в жопу. А то и того хуже – в елду или яйца.

Но Гуппи!!!

Это было необыкновенное и, врать не буду, единственное такое приключение за мою такую насыщенную и долгую сексуальную жизнь.

Уже сейчас, дело прошлое, вспоминая всё это как прекрасный эротический и художественный фильм, пытаюсь понять, но не могу – почему у меня с ней так всё это происходило? Ну честно, и поныне не могу уяснить, почему.

Что???

Что же происходило, дорогой читатель?..

А происходило вот что.

Распорядок студенческого Дома отдыха был прост и незамысловат, на все десять дней каникул.

Завтрак, катание на лыжах, Обед, катание на лыжах, Ужин, культурно-массовые мероприятия или попросту только набиравшие в ту пору силу дискотеки, приправленные водкой, портвейном и, чего греха таить, – бытовой еблей со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде ранних студенческих свадеб, разбитых сердец, декретных отпусков и прочей сопутствующей бадяги, вплоть до отчисления.

Гуппи ничем не выделялась среди прочих студенток: зелёные шаровары, шапочка с помпоном, румянец на щеках.

Задорная и весёлая, рыженькая, с милыми веснушками.

Обыкновенная, такая же, как все. Но и я, положив руку на яйца, тоже был не Аллен Делон. А обыкновенное лицо некоренной национальности с наглой мордой.

После нашего знакомства прошло не более суток, как мы оказались в одной койке.

Жили почти все по два человека в комнате, и, по доброй традиции, мой сосед по комнате занялся её подругой, а я отправился ночевать к Гуппи.

Вот тут всё и началось.

Обычно после первой же палки я засыпал или уходил, в редких случаях дотягивая до второй, да и то уже под утро, или точнее – утром.

После первого же коитуса я почувствовал, что стояк продолжается.

И он продолжался и час, и другой. За неполных два часа я стал восьмипалчаниным. Восьми! Да!

Практически не вынимая.

Как, почему? Не знаю, ну не знаю до сих пор.

Причём Гуппи не проявляла практически никакой активности, а лежала неподвижно, повернувшись ко мне задницей, покрытой тоже рыжими веснушками.

Так продолжалось все волшебные почти что десять дней.

Днём мы ходили на лыжах, а по ночам я шпендефорил Гуппи, не вынимая елды. Практически до её, елды, посинения.

На лыжах я ходил в телогрейке зелёного цвета, подпоясанной солдатским ремнём. На голове же была ещё та армейская пилотка без звёздочки.

Пригодилось привезённое из армии барахло – ведь помимо парадной дембельской формы был ещё и армейский вещмешок, забитый под завязку, мама не горюй.

За это от студентов Дома отдыха я получил характерное погоняло. Солдат – так меня стали звать.

Острые на язык подруги прознали про наши ночные похождения, а может, это сама Гуппи рассказала им про это – непонятно.

Но девчонки хохмили в полный рост и на вопрос, почему Гуппи не пришла сегодня на завтрак, отвечали с ехидным смешком:

– Она умерла под солдатом.

Но не умерла, конечно, а банально мочила харю до десяти утра после такого рапоясавшегося «многополчанина», как ваш покорный слуга.

Завтрак я старался не пропускать, старательно набивая рот кашей и хлебом, памятуя о здоровье хорошем. Которое мне ещё ох как понадобится в ближайшие дни, несмотря на грозные предостережения Горбатого из культового фильма «Место встречи изменить нельзя».

После каникул ещё несколько раз встречались с Гуппи у меня дома, но однажды, в самый разгар, зазвонил телефон, и я, дурак, поднял трубку.

Звонила одна из моих старых подруг и приглашала вечером на свидание, на что я – мудилкин, ответил немедленным согласием.

Гуппи всё это слышала, вспыхнула и немедленно – практически голая – соскочила с дивана и дала по тапкам в сторону родного Измайлова.

Догонять её и извиняться я не стал. И с тех пор больше никогда не видел.

Друзья-однокурсники из «Плешки» отнеслись к моим рассказам очень серьёзно, как ни странно.

Сказали, что мне дико повезло и такая женщина у любого мужчины бывает только один раз в жизни.

Как у Пушкина его знаменитая Болдинская осень. Но у меня, опездола, Марина-Гуппи никак не ассоциировалась с писаной красавицей Натальей Ивановной Гончаровой.

Только мой член, который Гуппи называла «блячкой», не ассоциировался, а самым наглым образом взаимодействовал со сладким местом Марины. И как!!!

Думаю, что если бы Александр Сергеевич жил в наше время, то ещё бабушка надвое сказала, как бы он отнёсся к моим ночным бдениям.

А ещё однокашники-студенты называли мудаком, и были абсолютно правы. Особенно чётко это понимаешь по проществу сорока, без малого, лет.

Гуппи, Гуппи – где ты, Гуппи?

Хаарлем

О трагедии на стадионе написано уже столько книг, что и добавить, казалось бы, нечего. Напишу сквозь призму своего личного восприятия.

После моей первой свадьбы прошло всего лишь несколько недель, и, предупредив жену, я собирался идти на этот матч.

Но тут неожиданно перезвонила тёща из Первоуральска и сообщила нам радостную весть, что вместе с тестем приедут к нам в гости.

Встречали мы их в аэропорту Домодедово. Помню, что, несмотря на октябрь, снег был сильный, равно как и мороз, неожиданно пришедший в Москву.

Игру смотрели с тестем по телевизору и вместе радовались голу Швецова на последней минуте.

Естественно, что ни о какой трагедии не знали, да и знать не могли.

Если бы...

Вражеские голоса я слушал уже с 10 лет. И той же ночью, тихо выйдя на кухню, крутил ручки настройки «ВЭФ», слушая «Голос Америки». Передача эта забивалась глушилками, стоявшими на территории больницы имени профессора Остроумова. Но разобрать речь дикторов можно было.

Так я и узнал о гибели людей на том матче. Утром на работе решил об этом дипломатично промолчать, ведь практически весь мой комбинат по ремонту квартир был переполнен коммунистами и даже старыми большевиками, подрабатывающими на пенсии.

Только директор, Василий Васильевич, тоже страстный поклонник «Спартак», вызвал к себе в кабинет.

Как часто бывает в этой жизни – трагическое и смешное рядом.

– Садись, Андрюшка, рассказывай.

– Да всё нормально, Василий Васильевич.

– Слыхал, я тут уборщицу нашу, тётю Машу Подколупкину из Конотопа, уволил надясь.

– Да уж, весь комбинат в курсе. А за что?

– Ты представляешь, поймали её на проходной вахтёры. Она заботливо вынесла из моего кабинета пачку бумаги финской – ту, что я получил недавно из управления. Берёт её, чтобы секретарша приказы праздничные о премиях на ней печатала.

По правде говоря, алкоголичке-секретарше Наталье Павловне было однохуйственно, на чём печатать приказы о премиях и прогрессивках. Так подумал я про себя.

– Да как же она её вынесла-то? Чай, не карандаш?

– Голь на выдумки хитра, – сказал директор и затянулся «Мальборо». – Приклеила её клейкой лентой прямо к манде. Так бы и вынесла в трусах, если бы не бдительный вахтёр Савельевич, старый большевик.

И тут же без всякого перехода стал «пробивать», что я знаю о трагедии.

Он тоже слушал «голоса», поэтому никакой новой информацией я его не обрадовал, равно как и не огорчил.

Тогда первый и последний раз, не считая общекомбинатовских застолий, бухнул с шефом. Директор достал армянский коньяк, а он пил только его, и мы с ним молча, положив дольку лимона на полную третью рюмку, помянули погибших. Не чокаясь.

Дома, вечером того же дня, ещё раз помянули за столом усопших болельщиков, хотя тесть и тёща не особо сильно любили московский «Спартак», как и моя первая супруга.

– Люди, будьте бдительны! – сказал немногословный тесть, хотя он вряд ли знал Юлиуса Фучика как автора этой фразы.

Что тут ещё добавить. Я даже не знаю.

Сочи

Лето олимпийского года было жаркое. И работа в стройотряде на Ленинградском проспекте кипучая.

Наш киоск «Пепси-кола» работал без выходных по шестнадцать часов в сутки.

После футбольных матчей московской Олимпиады народ валом валил со стадиона «Динамо», и наш киоск просто брали штурмом, кидая, да – именно кидая деньги в морду лица некоренной национальности и в моих коллег, двух красавиц-студенток.

Много было и иностранной валюты, туристов из разных стран на футболе хватало, и далеко не у всех из них были рубли.

А у многих даже и доллары, немецкие марки и паунды – не говоря уже про остальную менее популярную в то время в СССР иностранную валюту.

Но и срок за валюту по 88-й, или, как её ещё называли, «глазастой», в честь цифр, статье был немалый, и мы об этом прекрасно знали.

Плехановский институт готовил работников торговли, поэтому многие студенты, в перерывах между сессиями, почитывали маленькие книжечки в ярких обложечках; УК и УПК РСФСР и другую юридическую литературу.

Но алчность человеческая преобладала, и мы, собирая с пола киоска иностранную валюту в монетах и банкнотах, отоваривали туристов пепси-колой, а иногда даже сверхдефицитной фантой, с пролетарским огоньком в глазах и с думками о большом и перспективном табаше, который светил нам после обмена валюты у валютчиков. Впрочем, как и возможный срок.

Но плохие мысли мы старались от себя отгонять, а знакомый ОБХСС-ник, крышующий нас за долю малую, даже свёл с местным валютчиком, который и принимал у нас всю валюту после футбольного «валютопада» без церемоний и бюрократических эквивоков, даже монеты, считая при этом курс чуть ниже спекулятивного на день обмена.

Но и на том спасибо, после окончания Олимпиады-80, а вместе с ней и стройотряда, мы поделили общак на троих.

Вышло по пять косарей рублей на каждого, лавэ по тем временам немереное, цена автомобиля марки «Жигули» первой модели.

С такими деньгами я без проблем достал путёвку в пансионат Министерства обороны СССР «Звезда» и вечерним планером в один из тревожных понедельников августа отправил свою жопу и субтильное тело в сторону Черноморского побережья Кавказа.

Зарядив тётке на регистрации прямо в паспорт, как научил тот же ОБХСС-ник-куратор с Ленинградского проспекта (он же, кстати, и помог с путёвкой, сто рублей наличными – средней в то время зарплату), я получил двухкоечный номер, но на одного человека.

Номер оказался просторный, с видом на танцевальную веранду, где каждый вечер проходили танцы под магнитофон.

На столе номера стоял традиционный графин с водой непонятного цвета и гранёный стакан. Со стены на меня с укоризной смотрел портрет министра обороны СССР товарища Устинова Дмитрия Фёдоровича, который немым взглядом спрашивал – ну что же ты делаешь, сукин ты сын, а? А ещё в армии служил...

Маршалу я отвечать не стал, а молча заторпедировал «котлету» со сторублёвками аккурат под раму картины с изображением товарища министра и члена Политбюро ЦК КПСС.

Ушёл делать рекогносцировку местности.

Вечером того же дня познакомился с тремя молодыми девицами, примерно лет около тридцати.

Для «форсу бандитского» сказал, что мне 25 лет, прибавив три года. Зря я это сделал!

Последствия оказались самые непредсказуемые, и аукнулось мне это уже в апреле месяце аж далёкого ещё тогда 2016 года уже в Берлине.

Но человек предполагает, а Бог располагает.

Одна была замужня блондинка, другая весёлая и незамужняя брюнетка, а третья серьёзная и тоже незамужняя шатенка.

На неё-то я и положил свой блядский глаз, и ничтоже сумняшеся затащил её в койку на следующий вечер, а точнее ночь. Светлана оказалась дамой приятной во всех отношениях и серьёзно рассматривала меня через свои модные очки, не вызывая у меня никаких подозрений.

Без лишних эквивок можно было сказать, что, помимо этого, Света была интеллигентной женщиной и театральной косточкой, что мне, столичной штучке, очень импонировало.

Мы провели с ней несколько летних дней, нас сопровождали её подруги.

Пиво лилось рекой, кукуруза с пляжа поедалась и грызлась молодецкими, тогда ещё без кариеса, зубами.

Продавал её один и тот же местный хач на пляже. Из огромной кастрюли извлекалась кукурузина, на клочок газеты «Правда» с речью Брежнева на очередном пленуме сыпалась серая поваренная соль крупного помола, хач складывал мятые рубли в карман и, блестя золотой челюстью, вежливо желал нам приятного аппетита.

За такую неслыханную вежливость мы, от противного, прозвали его Хамом.

На танцы нам ходить было уже лень, и вечером мы, собравшись у меня в номере, попили портвейн с ликёром, закусывая всё это лимоном и шоколадом, приобретённым не в буфете пансионата, а всё у той же тётки на регистрации.

В буфете пансионата не было ничего, кроме трёхлитровых банок с берёзовым соком и маргарина. Купить там можно было только от хуя уши.

Также вызывало многочисленные вопросы, для чего он, буфет, собственно, функционирует.

Волшебным паролем для тётушки-администраторши была фиолетовая бумажка достоинством в двадцать пять рублей с гордым профилем Ильича и гербом нашей родины.

Билеты Госбанка страны Советов хрустели в карманах, девчонки ржали, когда я травил анекдоты, Светлана тихо смеялась в ладошку.

Мы смотрели на танцы с балкона моего номера, где блистала некая не востребованная никем дама с волосами цвета блонд, которая умудрялась переодеваться за вечер аж целых три раза, поражая всех своими нарядами и жопой, которой она крутила, как пропеллером. За это получила прозвище Бляндинка.

Ободзинского сменял «Бонни М», за медляком шёл энергичный танец, и так допоздна.

Зевая, девочки уходили спать к себе в номер. Светлана, по понятным причинам, явно не спешила в объятия Морфея. Зато спешил я, как голый на еблю, в прямом и переносном смысле этого слова.

Но через несколько дней у девчонок закончились путёвки, и они отбыли в Москву.

Светлана зачем-то спросила мой телефон, я зачем-то сказал: «Ага».

Сам же продолжал пить, гулять и заниматься беспорядочными половыми связями с женским контингентом пансионата, не забывая, как и всегда, надевать презерватив, в какое бы говно или в жопу пьяным ни был.

А пьян был практически всегда, деньги лились рекой, одна подруга сменяла другую, как в калейдоскопе.

Засадив непонятно куда не один косарь, я тоже улетел в Москву. Путёвка закончилась, начиналась учёба в институте.

Когда мне перезвонила Светлана, то мы встретились на квартире моего знакомого. У него была своя комната в коммуналке.

Не забыв взять презервативы и тортик с шампанским, я выдвинулся в район пролетарских Текстильщиков, где проживал знакомый однокурсник, люмпен-пролетарий, попавший в Плешку по разнарядке райкома партии, были в «блатном» вузе и такие студенты. За пузырь водки он вприпрыжку ушёл ночевать к таким же друзьям «синякам», но из провинции, в общагу, оставив мне до утра ключи от хаты.

Этому свиданию я не придал большого значения, и Светлану больше после этого никогда не видел и не слышал.

По правде говоря, в то время в самом разгаре был роман с одногруппницей Мариной, поэтому Светлану я очень быстро забыл, и она на долгие годы стёрлась у меня из памяти, ничем не напоминая о себе.

Что из этого вышло и чем всё это закончилось – вы, дорогие друзья, узнаете во второй части моего бурного, во всех смыслах этого слова, произведения.

Могу вас заверить, что удивлению вашему не будет границ, сюжетец ещё тот – прямо как в индийском кино, а то и эффектнее.

Никого не жалко, никого!!!

На следующее лето, как студент Плехановского института, работал в строительном отряде: в парке Сокольники, в знаменитой «Шашлычной», в качестве кассира.

Вот такие чудеса происходили в те годы при наличии небольшой суммы в червонцах, которые у меня ещё остались, и, как сказала Аннушка из бессмертного романа Булгакова: «Мне ли червонцев не знать».

Сидел на кассе, работали в две смены. А когда смена заканчивалась, то приходила моя сменщица – ещё та махровая торгашка Ангелина Степановна, отработавшая на кассе в «Шашлычной», наверное, лет двадцать, а то и больше.

Ангелине Степановне было от роду лет шестьдесят с гаком, и отматала она «пятёрку» ещё при Сталине – за расхищение социалистической собственности.

Все, даже директор Самвел Гамлетович, называли её уважительно – тётя Лина.

Поняв, что меня воткнули по благу, она сначала была настроена скептически по отношению к моей наглой морде некоренной национальности.

Лицом и экстерьером тётя Лина была похожа на бультерьера средней злобности. Типичное лицо кассирши общепита тех лет.

Но когда после «прописки» я рассказал работникам советской торговли о моей славной работе в киоске «Пепси-кола» годом ранее, то был удостоен даже дружеского:

– Ни хуя себе!

Это произнес лично директор Самвел Гамлетович, которого трудно было удивить любой суммой, даже озвученной мной как маржа от околоторговых операций.

После такого неслыханного ангажемента тётя Лина прониклась и улыбнулась мне во все свои тридцать золотых зубов. Даже ее бородавка возле носа, казалось, улыбалась мне.

Я был посвящён во все тонкости работы на кассе и принят в работу на «общак», как и во всей советской торговле в те времена.

Надо сказать, что события в те годы происходили в «Шашлычной» удивительные, и об этом не писала ни одна газета, да и писать в те застойные годы ну никак не могла, если бы даже и захотела.

Очень часто к нам заходили поесть шашлычка и выпить армянского коньячка так называемые «блатные», или попросту обыкновенные бандиты, которые, увы и ах, уже в начале восьмидесятых годов плотно пронизывали, как метастазы, всю структуру парка Сокольники.

Среди них был один старый и хороший знакомый. И поверьте мне, он достоин отдельного описания, если не целой главы.

Это был блатной по кличке Ованес, с характерной русской фамилией Кузнецов. Старше меня лет на семь-восемь, уже успевший к тому времени отматать срок за гоп-стоп.

Кличку свою получил за сходство с маньяком «Мосгаз», наводившим страх на столицу в шестидесятых, по фамилии Ионесян. Ованес был жгучий брюнет.

Ещё до армии один из моих друзей подстригся наголо, за что получил от окрестной шпаны погонялово – Лысый. И хотя к моменту моей работы в «Шашлычной» он, как и я, давно отслужил в армии, кличку никто не отменял.

Как-то давно я и Лысый сидели в несгоревшем ещё тогда сокольническом ресторане «Прага», потягивали себе пиво, ели раков. Я уже демобилизовался, а Лысый, уйдя в армию намного позже, как раз пришёл в очередной отпуск. Благо дело служил он в стройбате, прямо в Москве.

Подходит к нам хорошо бухой Ованес и спрашивает.

– Ты чего, Лысый, в отпуск, что ли, пришёл?

– Ага.

С тех самых пор, где бы мы с Лысым ни встречали в Сокольниках Ованеса, в каком бы питейном заведении парка это ни было, всегда повторялась одна и та же, как сказал бы Гоголь, немая сцена.

– Ты чего, Лысый, в отпуск, что ли, пришёл?

Вопрошал Ованес на полном серьёзе.

Он не гнал и не шутил. Просто практически и фактически всегда был пьян или под кайфом от ширева, иногда и то и другое вместе.

В его голове, как «Отче наш», запало, что Лысый пришёл в отпуск. Перещёлкнул какой-то маленький тумблер и, густо смазанный герычем и водкой, так и не щёлкнул в исходное положение.

Но вернёмся к нашим баранам, в «Шашлычную».

Однажды в жаркий летний вечер блатные, человек десять, смачно откушивали дарами кавказской кухни, усугубляя всё это дело дарами Бахуса. Ну и Ованес тоже, куда же без него.

Сочные и красные помидоры лежали на тарелках, приправленные зелёным лучком. Запах свежеприготовленной аджики приятно резал нос, работа на кассе кипела.

Всю бригаду возглавлял известный в узких кругах авторитет, отмотавший не один срок по разбойным статьям – огромный, похожий на орангутанга детина по кличке Кабан.

Неожиданно в стеклянный павильон, где находилось и, как всегда, ещё много посетителей, вошла группа хачей – человек пять-шесть.

Они направились к столу Кабана. После недолгой, но резкой беседы один из хачей достал вольту и, пока «блатные» не успели сообразить что к чему, сделал несколько выстрелов в упор прямо в голову вожаку.

Хлёсткие, как удар плётки, выстрелы взорвали помещение «Шашлычной» так, что эхо ушло прямо по направлению к метро «Сокольники». И вернулось обратно тройным накатом за считанные секунды.

Кровь брызнула, помидоры лопнули алыми брызгами и взорвались, как гранаты. Лук завял на глазах и в момент зачах.

Лишь только Ованес, как разведчик, упал под стол, успев на ходу достать вольту, и начал лихорадочно шмалять в спины быстро ретирующимся хачам.

Бах! Бах-ба-бах!!!

Крики:

– Вай, вуй!

– Караул! Убииили!!!

Мне пригодилась ещё не забытая со времён службы в армии закалка. Сгруппировался в момент.

И...

На всякий случай, успев закрыть одной рукой кассу, нырнул прямо на пол, как учил в учебке замкомвзвода по команде – «газы!»

Хачи в момент исчезли, аки призраки. А вместо них приехали менты. Ходили разные слухи; говорили о каком-то не то «рыжье» с приисков, не то о карточных долгах. И даже обо всём, вместе взятом.

Через короткое время всё в «Шашлычной» вернулось на круги своя. А тётя Лина рассказала, что после бериевской амнистии 1953 года бывали перестрелки и похлеще.

И, махнув залпом гранёный стакан водки, как умела только она, сделала краткое и всеобъемлющее резюме этой разборке.

– Никого не жалко, никого!!!

Кто бы сомневался.

Так что лихими были не только девяностые, а и восьмидесятые.

Инвалид

Меня очень часто спрашивают о происхождении интернетовского ник-нейма «вася-инвалид». Почему «вася» – я подробно рассказал в первой книге.

Настал черёд рассказать и про «инвалида».

Итак.

Август 1972 года.

Страна предвкушает суперсерию с канадскими профессионалами, а у левого павильона касс Большой спортивной арены Центрального стадиона имени Ленина известные всей Москве барышники уже завели списки на покупку билетов этих таких ожидаемых хоккейных матчей.

Надо сказать, что списки в то время были повсеместно: на жратву, мебель, машины, билеты куда угодно и на хуй его знает что ещё. Поэтому для меня это было делом привычным.

К пятнадцати годам я уже пару раз, с друзьями постарше, «держал» списки на билеты на разные хоккейные мероприятия. Навар получался неплохой, в начале любого списка шли 20–30 вымышленных фамилий. Они всегда были «птички» – Галкин, Орлов, Скворцов, Воробьёв и далее по списку. Билеты у нас оптом забирали знакомые спекулянты, на которых работали целые бригады «пионеров». Хватало, короче, всем.

Во всех списках всегда устраивались ежедневные переключки.

Их вели «сотники», а «тысячники» только контролировали всё это и переписывали новый список каждый день.

Так что, придя на новую переключку, ты уже мог легко быть не три тысячи пятьсот сорок пять, а две тысячи восемьсот тридцать первым.

Абсолютно любой, кто не приходил на переключку и не кричал зычное «Я!!!» – вычёркивался из списков к ебене матери. Если, конечно, лично не сунул на лапу сотнику или тысячнику или за него на переключке не отметился кто-то другой.

Мой номер был в районе первой тысячи, и я, дурак, надеялся увидеть живьём канадских профессионалов, которые, как пел Высоцкий, получают огромные тыщи и плюют зубы на лёд.

Хуй там, дорогие друзья. Накануне дня продаж пришли менты, порвали все списки и выстроили живую очередь. Во главе которой и стояли те самые барышники.

Билетов мне, конечно же, не досталось, и пришлось думать, как же попасть на хоккей.

Наши с друзьями котелки целыми днями только и думали об этом, отодвинув даже на второй план сиястых одноклассниц.

Однажды, после распития бутылочки портвейна, самый старший и мудрый из нас говорит:

– Ты похож на инвалида!

– С хуёв ли? – несмело возразил я старшему и более авторитетному товарищу, отмотавшему уже «двушку» по малолетке.

– Худой, чёрный, щетина начинает расти, язык подвешен.

И хором решили, что попытку достать билеты, помятуя об удачном подходе в стиле «а-ля Муслим Магомаев» два года назад, должен делать я.

Старший и мудрый спиздил у своего старого хрыча-дедушки ржавый инвалидный костыль, и мы выдвинулись в сторону Лужников.

Там в специальной кассе продавали билеты на хоккей инвалидам, Героям Советского Союза, кавалерам орденов Славы трёх степеней, ну и прочим работникам райкомов и обкомов партии. Вооружив меня костылём с напутствием сделать рожу пожалостнее, дружки лёгким поджопником направили меня в сторону кассы.

Кассирши с лицом Эльзы Кох там уже не было, но восседала вполне доброжелательная и на удивление любезная тётя лет тридцати пяти от роду, с огромным ртом, при помощи которого она и получила это бластное место, что я вычислил путём нехитрых умозаключений.

Выставив костыль наперевес и смандячив страшный кисляк, я попросил продать мне, как инвалиду детства, ни много ни мало, а двенадцать билетов на суперсерию СССР – Канада.

От такой неслыханной наглости рот у тётки открылся ещё шире, под величину минета «свисток» в две елды.

– А удостоверение инвалида у вас есть, молодой человек?

– Я его дома забыл. Тётя, ну пожалуйста!

– Какая я вам тётя? Небось уже и девок пользуешь... – вдруг гневно перейдя на «ты», как отрезала кассирша, сомкнув огромный и манящий ротешник.

Короче, номер не прошёл. Меня с позором и треском прогнали. А удостоверение мы достать не смогли.

Но нет худа без добра. Знакомые спекулянты, те самые, которым мы толкали хоккейные билеты, подогрели нас билетами на канадцев. Да ещё, по дружбе, и почти по государственной цене. Накинули, конечно, чуть-чуть – как без этого. Мы-то им тоже билеты раньше не по доброте душевной отдавали, а с наваром.

Но билетов было всего четыре, и тянули жребий. Мне не повезло, и суперсерию из Дворца спорта Лужников я смотрел по телевизору, под истошные вопли Николая Николаевича Озерова:

– Нам такой хоккей не нужен!

И разухабистый мордобой, который устроил Фил Эспозито со товарищи.

Зато погонялово «инвалид» приклеилось ко мне на долгие годы и плавно перешло на сектора стадионов, где в те годы, а также сейчас, играет московский «Спартак».

Сто дней после детства

Когда работал на «Мосфильме», то Соловьёв снимал там свой первый фильм с Друбич в главной роли.

Но мои сто дней прошли давно, и грех не рассказать об этом на страницах книги.

Тем более что в книге ещё будет глава «Сто дней до приказа» в армии, но не будет «Сто дней Наполеона». Но и я, слава богу, не узурпатор. Поэтому начнём, помолясь.

Скачок из детства во взрослую жизнь произошёл стремительно и даже как-то незаметно.

Всё начиналось как бы невзначай, но накатывалось, как снежный ком и несло за собой вниз, попутно разбивая то лицо, то колени в кровь и до самых костей.

Денег не хватало катастрофически, и мы с друзьями целыми днями думали: где бы достать пару рублей на портвейн или любое другое пойло: пиво с раками или даже без оных.

После школы собирались в парке Сокольники на заранее облюбованной лавочке и вырабатывали план действий.

Основным источником дохода являлись билеты на хоккейные матчи. Особенно на игры «Спартак» – ЦСКА.

Однажды по непонятной причине этот топовый матч перенесли из четырнадцатитысячного Дворца спорта в Лужниках во Дворец спорта ЦСКА на Ленинградском проспекте.

А вмещал он всего ничего – только три с половиной тысячи зрителей.

Приезжаем с друзьями ночью, накануне первого дня продаж, и заводим списки по старой и доброй традиции времён развитого социализма.

К трём часам ночи очередь уже довольно приличная, а к открытию касс так и вообще извивается как хвост. Две-три тысячи человек. И тут же, естественно, подъехали менты, всё оцепили и выставили железные барьеры, чтобы никто не пролез без очереди.

– Ты тут списки держишь?

Прямо на меня дышит перегаром мордатый старлей с рожей, как у адепта «чёрной сотни», депутата той ещё, при Царе-батюшке, Государственной думы Пуришкевича Владимира Митрофановича, золотого медалиста кишинёвской гимназии и даже автора сборника стихов «В дни бранных бурь».

– Ну, я...

– Головка от хуя, – улыбается старлей во все свои золотые, как у хача, зубы. – Короче, делаешь нам бесплатно десять билетов, на места по центру. Иначе я сейчас порву все списки на хуй и выстрою живую очередь.

– Да понял, понял, чай, не маленький.

Беру дружков на отвод, и быстренько производим «Совет в Филях».

Один из нас – и это правда! – даже как Михаил Илларионович, с одним глазом, выбитым в детстве из рогатки такими же долбоёбами юными пионерами-ленинцами, хорошистами и троечниками нашей школы.

– Надо делиться с ментами.

– Угорим на 15 рублей, да ну и хуй бы с ним.

– Спекулянты всё заберут у нас оптом, отобьёмся, да и нам ещё всё бесплатно выйдет, плюс хватит на портвейн и пиво, – подытоживает самый старший из нас, второгодник и хулиган со шрамом на лице, не расстававшийся с ножом и имеющий за это погонялово Спикер. От слова пика.

Молча киваю. Остальные тоже согласны со Спикером.

– Ну шо? – Старлей щиро улыбается.

– Договорились... Только и вы никого не пускайте, чтобы не лезли без очереди.

– Ярмоленко!!!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Возьми ещё трёх человек и стойте возле касс. И чтобы никто у меня без очереди не пролез, даже муха.

– Так точно, сделаем, товарищ старший лейтенант! – отвечает Ярмоленко, с лицом явного лимитчика, побитого оспой и прыщами, и прибывшего, судя по малороссийскому акценту пополам с суржиком, откуда-то из Сумской области или ещё глубже с необъятных просторов Родины.

Касса открывается с опозданием на полчаса, и вместо положенных трёх окошек работает почему-то только одно, остальные наглухо забиты фанерой, а в том, что открыто, сидит старушка-саботажница, с опухшим челом и таким выражением лица, как будто бы мы все тут должны ей по этой жизни, а она, сука многостаночная, делает нам всем одолжение, продавая билеты – строго по четыре в руки, не больше.

Сам билет надо описать отдельно.

Это клочок полупрозрачной бумаги, почти газетной, но серого, как наша жизнь в эпоху пятилеток, оттенка. Где красными буквами написано «ЦСКА – Спартак».

В ту эпоху, где не было ни принтеров, ни факсов, ни копировальных машин, подделать их не представлялось возможным, хотя и не составляло большого труда.

Даю, на всякий случай, чтобы не кривила рожу, саботажнице пятёрку, и мы вместе с друзьями забираем первыми наши пятьдесят билетов. Взяли бы и больше, да не было денег, «этих маленьких металлических кружочков», которые так любил товарищ Бендер, и, чего греха таить, не только он один.

Подходит старлей, отстёгиваю обещанные десять билетов.

– О, це дило! – неожиданно на мове говорит офицер милиции и улыбается рыжими фиксами, как гамадрил, которому только что посетители зоопарка кинули банан через ограду.

Едем домой в Сокольники, где знакомые спекулянты забирают у нас оптом все билеты по доброй цене.

Собираемся пойти в парк, в ресторан Прага, чтобы всё это дело замочить и отпраздновать.

Но прервёмся на минуту, дорогие друзья, от этого увлекательного повествования и метнёмся ментелем в кабинет химии моей школы, а точнее, в лабораторию, которая базировалась аккуратно за кабинетом.

Как уже писал в предыдущей книге, химичка наша, Марина Ниловна, люто болела за хоккейный «Спартак». И я, с разрешения Спикера и оболтусов дружков, забрал себе два билета, чтобы сходить на матч.

Товарищей моих спорт интересовал мало, а если точнее, то только с той его стороны, где можно было заработать денег на билетах, чтобы потом всё это дело смачно пропить, пробухать, прожрать и потратить на девчонок для дальнейшего с ними соития.

Но ваш покорный слуга не таков, «Спартак» всегда на одном из первых мест в жизни, особенно когда тебе шестнадцать лет и шляпа дымит так, что аж фуфайка заворачивается.

Так вот про любовь. Как уже писал, я был тайно влюблён в химичку, была она старше меня лет на десять. Породистая кобыла, с ногами и грудью, как у Софи Лорен.

– У меня есть два билета на хоккей, хотел бы вас пригласить, – заливаясь краской, неожиданно для самого себя мямлю еле слышно.

Не то чтобы я был стеснительным, нет, просто к учителям было уважение, как инстинкт.

– Да? Интересно, и где же ты достал билеты?

Берёт меня неожиданно за ухо и приближает, да что там – прямо притягивает к себе.

Но моя наглая морда некоренной национальности не растерялась, и, подвинувшись ближе, я упёрся в момент вставшей елдой прямо между ног и вплотную к груди любимой учительницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.